

Елена Владимировна

Портрет

ЭРНСТ ИОСИФОВИЧ, с чем связан ваш нынешний приезд в Москву?

— Прежде всего с созданием моего фонда в России.

— Каковы его основные задачи?

— Это частный благотворительный фонд, носящий мое имя, созданный в основном на мои средства. Его основные задачи — найти молодых талантливых художников (в основном живущих в провинции) и оказать им поддержку. Мы хотим организовывать персональные и групповые выставки художников в России и за рубежом, разрабатывать и реализовывать монументальные проекты, выражающие новое видение нашей истории и общества. Уникальность нашего фонда в том, что он — второй частный благотворительный фонд, созданный в России иностранным гражданином (первый создал Александр Солженицын). Свою деятельность фонд рассматривает не как вспомоществование «на бедность», а как инвестиции в творческий потенциал России.

Будет организована система поощрений, премий и грантов в области изобразительного искусства, литературы и публицистики, кино, театра и телевидения, а также приз меценату. Аналогом знаменитого «Оскара» станет скульптура «Икар» моей работы.

— Кто же будет выбирать людей, достойных этой награды?

— В различных городах будут созданы региональные центры. Я же буду брать на себя ответственность в выборе окончательного решения. Надо сказать, что у меня нет и никогда не было пристрастий к какому-то одному направлению. Критерием отбора кандидатов станет их творческая способность к созданию в скульптуре и живописи новой, адекватной времени эстетики страдания и радости современного человека.

— Откуда будут поступать средства в ваш фонд?

— Фонд очень тесно связан с корпорацией «Эрнст Неизвестный INC». У нас есть, что продавать, как на Западе, так и в России.

Фото Натальи Мегведевой (ИГ-фото).

личное состояние — дом, мебель, библиотеку. Но я помню, как он говорил: «Я каждый день принимаю по 40 человек — голодных, холодных (он работал в клинике для железнодорожников), как я могу спокойно жрать куриную ногу и быть довольным жизнью». Он был человеком сострадающим и не мог спокойно существовать. Сейчас, с возрастом, мне стало понятно это чувство вины. Я только недавно научился не ходить бочком, не стесняться того, что я имею деньги, могу путешествовать по миру. Раньше мне все время было неловко, хотелось прибедняться, хотя великолепие я очень люблю.

Можно сказать, что заняться созданием фонда меня заставила жизнь. Я всегда был сторонником свободных отношений между художником и обществом, свободного рынка, хотя к искусству этот термин неприменим. Но, оказавшись на Западе, я несколько изменил свое отношение к этой проблеме. Дело в том, что то, что мы называли «диким Западом», не так уж дико. На Западе есть целый класс потребителей искусства, которые предпочитают покупать не репродукции, а подлинники. Кроме того, там существуют различные фонды — государственные, религиозные, этнические, университетские. Таким образом, находясь в сфере свободного рынка, художник не брошен на произвол судьбы. Приведу два конкретных примера. В Париже у

Единственные препоны для осуществления твоего замысла — отсутствия денег. Там битва за место под солнцем идет кровавая. По сравнению с ней наши интриги — жалкая мальчишеская потасовка.

— Вам часто приходится общаться с российскими художниками?

— Когда открылись границы, ко мне стали приезжать за помощью множество художников, на тот, кто сумел добраться до Америки, не так уж в ней и нуждались. В гораздо худшем положении те, кто живет в провинции и даже до столицы может добраться с трудом. Я говорю о тех, кто живет, к примеру, в Екатеринбурге, который я знаю очень хорошо, в Магадане, в Воркуте — в тех городах, с которыми я связан своей работой.

— Вы имеете в виду Треугольник страданий в Воркуте, Магадане и Екатеринбурге. Я помню, что вам предложили создать памятник жертвам репрессий. Вы его назвали памятником жертвам утопического сознания. Вы сразу же дали согласие. Сообщениями об этом в то время пестрили почти все наши газеты и журналы. Прошло четыре года. Что происходит с этим проектом сейчас?

— Я работал над этой темой еще в 53-м году при жизни Сталина. Тогда же сделал первые наброски — «Каменные слезы». У Роберта Рождественского даже есть стихотворение на эту тему. Когда мне предложили сделать памятник

жизни» собираюсь сделать и для Москвы.

— Все ваши идеи осуществляются?

— Наоборот. Из всех моих идей осуществляется примерно одна десятая часть. Основная моя беда состоит в том, что у меня так много идей, что я мучаюсь в выборе — чему отдать приоритет.

— Чему же вы его отдаете сейчас?

— Безусловно, Треугольнику страданий.

— У вас есть еще какие-то проекты в нашей стране?

— Сейчас у меня пять таких проектов. Я закончил модель памятника академику Семенову, монумент «Золотое Дитя» к 200-летию Одессы. Есть проекты памятников Ахматовой, Высоцкому, мне предложили сделать монумент жертвам землетрясения в Ашхабаде и жертвам депортации в Элисте. А всего у меня в мастерской 50 скульптур, над которыми я работаю.

— Чувство ностальгии вам знакомо?

— Рептильная эмигрантская литература с помощью советской пропаганды культивировала это чувство как исключительное свойство русской души. На самом деле я видел людей других национальностей, мучимых этими же чувствами. Например, испанские ребята, которые жили со мной в общежитии на Трифоновке, знали, что они никогда больше не увидят родину, и очень страдали от этого. Я уверен, что Томас Манн, который уехал из Германии и не рассчитывал вернуться туда, испытывал то же чувство. То есть это нормальная реакция человека на ненормальную социальную ситуацию — ты переезжаешь границы и почти что умер. Ужасно, что такое состояние культивировалось. Душа не имеет географии и не начинается там, где стоит пограничный столб. Ты не можешь уехать от своего духовного пространства. Куда бы ты ни бежал, хоть на Марс, это останется с тобой. У меня прустовская ностальгия по утраченному себе. Ностальгия — это романтизация прошлого, окрашенная воспоминаниями молодости. У меня была ностальгия по языку. После многих лет общения с русскими женская русская речь вызвала у меня возбуждение почти как от чего-то экзотического. Сейчас это

НЕИЗВЕСТНЫЙ В РОССИИ

На Треугольник страданий денег не хватает

Например, мною создана ювелирная коллекция из нескольких предметов, в центре каждого — «Сердце Христа». Коллекция стоит 100 тысяч долларов, тираж всего 12 авторских экземпляров. За несколько дней уже куплены 4. Средства от продажи передаются фонду. Кроме того, фонду будут подарены две коллекции, стоимостью 200 тысяч долларов. Таков первоначальный источник финансирования. Фонд стоит над политической и принадлежит сфере культуры.

— Что все-таки подвигло вас на создание этого фонда? Вы известны во всем мире, у вас множество проектов, эскизов, планов, зачем вам лишние хлопоты?

— Есть теория кармы. Я уверен, что карма присутствует в нашей жизни. Недавно вместе с Беккетом мы сделали книгу, в ней есть произведение под названием «Бумеранг». В нем примерно воплощена идея кармы.

Я всегда был аутсайдером. Сколько прожил в Советском Союзе, никогда не занимался никакой общественной деятельностью — я даже стенгазеты не выпускал, кисточки не распределял. Я командовал только на войне — этим горжусь. Я всегда был антисоциальным человеком, уклонялся от общественных обязанностей — теперь меня это догнало. Я даже не хочу сказать, что мне этого хочется, — это некая неизбежность судьбы. Я не могу отделиться от чувства вины. Например, иду в замечательный музей или в хороший ресторан, или просто сижу в своей прекрасной квартире в Нью-Йорке, и вдруг меня как будто шилом кольнет в сердце — почему я это вижу, а другие нет. Видимо, это досталось мне от моих предков. Мой отец был белым офицером, выжил чудом. Он был блестящим детским хирургом-отоларингологом. За революционные заслуги моего деда советская власть оставила отцу при-

меня была выставка в фонде Миттерана. 47 тонн моих скульптур было перевезено туда за счет фонда, за его же счет был выпущен каталог, устраивались приемы. Не знаю, во сколько им это обошлось, думаю не менее 200 тысяч долларов, с меня же они не взяли ни копейки. Другой пример. В Париж приехал Оскар Рабин. В России он просто бедствовал, не мог получить мастерской, в Париже же он бесплатно получил прекрасную мастерскую, о какой может мечтать любой художник.

Когда несколько лет назад я приехал в Россию, оказался в Магадане, Воркуте, Екатеринбурге (Москву я знаю значительно хуже), то обнаружил, что художники высочайшего профессионального уровня, каких на Западе не часто встретишь, буквально голодают. Они оказались не нужны никому. Чем это можно объяснить? При советской власти государство взяло на себя, обязанности заботиться о художниках, правда, забрав у них взамен свободу поведения, но зато обеспечив какой-то материальный уровень. При мягком фашизме Брежнева уже были какие-то пазы, сейчас же люди оказались выброшены на улицу. В России не разработаны фонды, не существует достаточного количества меценатов. Положение я бы сравнил с тем, как если бы я взял в дом кошку, оскопил бы ее, вырвал бы ногти, подточил зубы, а потом решил бы бросить ее в лес, чтобы она могла свободно охотиться. Это безобразие.

— Вспоминаю годы своей молодости, вы писали о существовании мафии в художественных кругах. Как вам кажется, сейчас это положение изменилось?

— Я плохо знаю ситуацию в России.

— А на Западе?

— Там значительно в большей степени, чем была у нас. Там ставки выше. На Западе деньги адекватны понятию свободы.

жертвам репрессий, я тут же согласился.

Мой монумент ни в коем случае не отражает борьбу каких-то политических течений. Вопрос, кто жертва и кто палач, у меня не возникает. Я хочу создать монумент искупления — жертва и палач едины. Пусть Бог их рассудит, нам же нужно покаяться.

Магадан, Воркута — ворота в ГУЛАГ, потому и было решено создать Треугольник страданий, выбрав эти города и Екатеринбург. От гонорара я отказалась. Идея была с энтузиазмом воспринята всюду. Место закладки освещалось церковью. Расходы, связанные с путешествиями, производством, страховкой и перевозкой моделей монументов, включая посильную финансовую поддержку компании, которая развернулась в стране в связи с проектом, я взял на себя. Теперь возникли непреодолимые препятствия, связанные с полным отсутствием возможностей финансирования проекта.

Нельзя жить без покаяния. Это не просто православная традиция. Это нормальное состояние души. Я надеюсь, что созданный мною фонд поможет завершению этого проекта.

— Вы всегда называли «Древо жизни» своей основной работой, содержащей тему дуалистического противоречия человека и природы, человека и второй природы, самого человека. Как возник этот замысел? Как подвигается работа над ним?

— Замысел «Древа жизни» родился в 1956 году, когда я был в очень тяжелом состоянии и мне казалось, что мне не для чего больше работать. Ночью я во сне увидел «Древо жизни» и проснулся с готовым решением. Этот монумент — мое счастье. Я работаю над ним постоянно. Сейчас закончил пятиметровый проект. Хочу поставить эту скульптуру в ООН от России, а еще одно «Древо

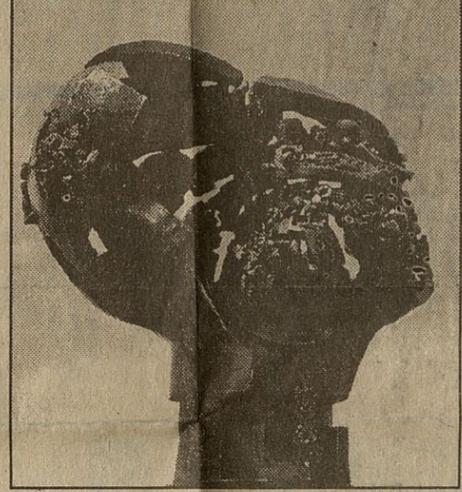
ушло, а когда границы стали более прозрачными, испытываешь ностальгию только по хорошему человеческим качествам.

— Как вы относитесь к мнению, что монументальная скульптура дискредитировала себя и выглядит сегодня анахронизмом?

— Я считаю, что виновато не искусство, а люди, которые приспособили его к своим пошлым нуждам и опошляли. Монументальное искусство обладает сорбонностью. В Советском Союзе это было искусство, воспевавшее героев и псевдогероев. Сегодня оно должно вернуться к человеку, к его радостям и нуждам.

— Множество памятников эпохи тоталитаризма у нас сброшены с пьедесталов. Как вы это расцениваете?

— Я против вандализма. Эти скульптуры были частью истории и пейзажа. Монументы не должны бегать. После революции разрушили все, что было сооружено до нее. Теперь разрушается то, что создавалось в течение 70 лет. Это в принципе неверно. Какие-то безобразные скульптуры, может быть, и надо было снимать, но по эстетическим, а не политическим мотивам. Если человек, которому сооружен памятник, совершил какие-то преступления, можно написать об этом, но это же часть истории. Я живу в Америке и не берусь судить о том, что происходит в России. Но в Америке в одном и том же городе можно увидеть памятники освободителям Севера и планаторам Юга. Монументы в честь победителей и побежденных. Это как бы у нас стояли памятники не только Чапаеву и Куйбышеву, но и Колчаку и Деникину. В Риме, когда умирал император, отпиливали голову его статуи и приделывали голову нового. Хотелось бы, чтобы история хоть чему-то научила.

«Древо жизни».

«Маска Европы». Эскиз скульптурной композиции в Екатеринбурге.

«Маска Азии».